

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 273–277

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 273–277

<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-4-273-277>, EDN: JYHDTO

Научная статья

УДК 1(091)

От платоновского анамнезиса к архитектонике философского знания: историко-философский статус реминисценции

М. А. Ромащенко¹, А. А. Ромащенко²✉

¹Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., Россия, 410054, г. Саратов, ул. Политехническая, д. 77

²Саратовское высшее артиллерийское командное училище, Россия, 410010, г. Саратов, ул. Артиллерийская д. 2

Ромащенко Мария Александровна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «История и философия», filos@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4860-4017>

Ромащенко Александр Александрович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, romaschenko.al@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2557-5404>

Аннотация. Введение. Рассмотрен феномен реминисценции в качестве возможного метода построения истории философии, который трансформирует платоновское припоминание (анамнезис) в инструмент синтеза универсальных идей и субъективного опыта, обеспечивая при этом единство философского знания через интерпретацию вневременных концептов в историко-культурном контексте. **Теоретический анализ.** Отмечается, что философские истоки реминисценции восходят к античной философии, в частности, к платоновскому учению об анамнезисе как принципу познания через «припоминание» внеопытного знания. Перевод Тертуллиана, закрепивший термин «реминисценция», обозначил её субъективную направленность: в отличие от анамнезиса, устремлённого к универсальным идеям, реминисценция воплощает знание в контексте индивидуального опыта. Этот дуализм раскрывается через анализ работ Ф. Ферре, Ж. Деррида и Э. Левинаса: если анамнезис обращается к онтологическим структурам, реминисценция связывает их с историко-культурной интерпретацией, трансформируя память в инструмент познания. Примеры из истории философии (Платон, Парменид) демонстрируют, что реминисценция обеспечивает единство концептов, не сводя его к линейному прогрессу, а синтезируя вневременные идеи с субъективным восприятием. **Заключение.** Реминисценция выступает архитектоническим методом, соединяющим онтологическое и историческое, что подчёркивает её роль в формировании целостного философского дискурса.

Ключевые слова: реминисценция, анамнезис, интерпретация, история философии, теория познания

Для цитирования: Ромащенко М. А., Ромащенко А. А. От платоновского анамнезиса к архитектонике философского знания: историко-философский статус реминисценции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 4. С. 273–277. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-4-273-277>, EDN: JYHDTO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

**From Platonic anamnesis to the architectonics of philosophical knowledge:
The historical-philosophical status of reminiscence**

М. А. Romaschenko¹, А. А. Romaschenko²✉

¹Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politekhnikeskaya St., Saratov 410054, Russia

²Saratov Higher Artillery Command Military School, 2 Artilleriyskaya St., Saratov 410010, Russia

Maria A. Romaschenko, filos@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4860-4017>

Alexander A. Romaschenko, romaschenko.al@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2557-5404>

Abstract. Introduction. The article explores the phenomenon of reminiscence as a possible method of constructing the history of philosophy, which transforms the Platonic concept of recollection (anamnesis) into a tool for synthesizing universal ideas and subjective experience. This approach ensures the unity of philosophical knowledge by interpreting timeless concepts within a historical-cultural context. **Theoretical analysis.** It is noted that the philosophical origins of reminiscence are traced back to ancient philosophy, particularly Plato's doctrine of anamnesis as a principle of cognition through the "recollection" of non-empirical knowledge. Tertullian's translation, which established the term "reminiscence," emphasized its subjective orientation: unlike anamnesis, which aspires to universal ideas, reminiscence embodies knowledge within the context of individual experience. This dualism is revealed through the analysis of works by F. Ferré, J. Derrida, and E. Levinas. While anamnesis refers to ontological structures, reminiscence links them to historical-cultural interpretation, thereby transforming

memory into an instrument of cognition. Examples from the history of philosophy (Plato, Parmenides) demonstrate that reminiscence ensures conceptual unity not through linear progress but by synthesizing timeless ideas with subjective perception. **Conclusion.** Reminiscence functions as an architectonic method, connecting the ontological with the historical, emphasizing its role in shaping a holistic philosophical discourse.

Keywords: reminiscence, anamnesis, interpretation, history of philosophy, theory of knowledge

For citation: Romaschenko M. A., Romaschenko A. A. From Platonic anamnesis to the architectonics of philosophical knowledge: The historical-philosophical status of reminiscence. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2025, vol. 25, iss. 4, pp. 273–277 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-4-273-277>, EDN: JYHDT0

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Понятие реминисценции достаточно давно вошло в обиход гуманитарных наук, преимущественно в теорию литературы и искусства, в качестве метода, связанного с памятью, припоминанием, обращением к устоявшимся образам и значениям. В реминисценции видят удачный приём творчества, определяя её, в большинстве случаев, в качестве элемента художественной системы, позволяющего использовать отсылки, аллюзии или повторение элементов из более ранних произведений, идей или культурных контекстов для создания нового смысла или усиления выразительности. Интерес к реминисценциям с новой силой возникает как ответ на культурный и лингвистический повороты в философии XX века: вместе с возникновением идеи интертекстуальности [1] реминисценция становится ключевыми подходом к анализу культуры. Тем самым ограничить интерпретацию феномена реминисценции только в качестве художественного приёма – значит игнорировать её методологическое и гносеологическое значение, которое открывает перед исследователем широкое смысловое поле. Именно поэтому представляется плодотворным рассмотреть гносеологическую специфику реминисценции именно в качестве метода познания и создания новых концептов в рамках историко-философских исследований.

Теоретический анализ

Феномен реминисценции, первоначально сформировавшийся в рамках философской эпистемологии, представляет собой концепт, генеалогически восходящий к античным размышлениям о природе познания и роли памяти в познавательной активности человека [2]. Как отмечает И. Р. Багдасарова (а также ряд современных отечественных и зарубежных исследователей), семантическое поле данного термина исторически детерминировано его интеграцией

в философский лексикон задолго до адаптации в искусствоведении и литературоведении: «Общефилософские основы понятия «реминисценция» заложены еще древнегреческим философом Платоном в его учении о припоминании» [3, с. 213]. Эпистемологическая модель, в основе которой лежит дуализмом чувственного и умопостижаемого миров, определила основы для последующей концептуализации реминисценции как особого когнитивного механизма. Именно учение об анамнезисе (ἀνάμνησις) Платона рассматривается чаще всего в качестве истока понятия и феномена реминисценции, отождествляя собственно анамнезис и реминисценцию. Однако семантическая эквивалентность данных терминов, часто встречающаяся в историко-философских исследованиях, требует критического переосмысления.

Итак, впервые понятие «анамнезис» с греческого языка на латинский было переведено как «реминисценция» К. С. Ф. Тертуллианом. В работе «О душе» при описании теории познания Платона он указывает: «Чтобы придать достоверность тому, что душа прежде пребывала с Богом в небесах, соприкасаясь с идеями, а оттуда приходит сюда и здесь по образцам вспоминает то, что узнала раньше, он разработал новое доказательство, *μαθήσεις ἀναμνήσεις*, что означает, что учения – это воспоминания» [4, с. 80]. Последняя фраза на латинском языке у Тертуллиана выглядит следующим образом: «*id est distentias reminiscencias esse*» [4, с. 198]. Именно благодаря Тертуллиану в дальнейшем развитии истории философии укрепилось мнение о родственности и даже тождественности понятий анамнезис и реминисценция.

В этом понимании и обнаруживается именно методологическая значимость реминисценции в познании, а не просто использование ее в качестве художественного приёма. В исследовательской литературе нередко подчеркивается синонимичность терминов «реминисценция», «цитата» и «аллюзия» с акцентом на сходстве их художественно-выразительных функций.

Тем не менее, при структурно-семантическом анализе данных феноменов обнаруживаются принципиальные различия, обусловленные спецификой их генезиса, функциональной нагрузки и механизмов интертекстуального взаимодействия в художественном дискурсе. В частности, цитата связана с прямым наследованием, её основная задача – точно и чётко воспроизвести идею, сохранив аутентичность, изменив при этом только контекст. Аллюзия же – это, скорее, цитата, для которой контекст становится важнее сохраняемой идеи. Но реминисценция, связанная в первую очередь с памятью, в отличие от цитаты и аллюзии трансформирует контекст и саму идею в поле памяти.

Подобную установку относительно реминисценции высказывает и С. Л. Рубинштейн в «Основах общей психологии»: «Факт, так называемой реминисценции, в силу которой со временем воспроизведение иногда не ухудшается, а улучшается, имеет, с нашей точки зрения, принципиальное значение для общей теории памяти» [5, с. 353]. В том же ключе реминисценция рассматривается Ж. Пиаже и П. Фрессом в исследовании феномена памяти «Научение и память»: «В весьма общем виде под реминисценцией понимают воспроизведение мнемонических ответов, которые субъект не мог воспроизвести прежде, при условии, что с момента заучивания испытуемый не занимался дополнительным упражнением в выполнении данного задания» [6, с. 326].

Определяя реминисценцию через свойства памяти, однако, необходимо учитывать некоторые допущения.

Диалог Платона «Менон» как раз развивает описание анамнезиса как принципа познания, связанного с памятью. Однако следует отметить, что в данном диалоге Платон упоминает два типа памяти. Так, в начале диалога Сократ жалуется на собственную память и говорит: «У меня не очень хорошая память, Менон, так что теперь мне трудно сказать, что мне тогда показалось» [7, с. 576]. Очевидно, что в данном случае память не трактуется Платоном именно в контексте анамнезиса, скорее он указывает на психическую функцию памяти (применяя современный понятийный аппарат), которая способствует воспроизведению конкретного опыта индивида. Описание же анамнезиса как акта познания, а не воспроизведения, когда мальчик раб, отвечая на вопросы,

демонстрирует геометрические познания, показывает, что анамнезис не психическая функция, он не воспроизводит опыт ранее бывшего, того, что включено в непостоянство становления, а, напротив, обращается к внеопытному знанию.

Эту особенность в соотношении памяти и анамнезиса отмечает и французская исследовательница Ф. Ферре, которая с отсылкой к феноменологии Э. Гуссерля, в работе «Реминисценция или анамнезис: что хотел сказать Платон?» показывает, что воспоминание принадлежит сознанию, которое субъективно относится к своему прошлому, а анамнезис не является таким воспоминанием, он не обращается к прошлому, он есть обращение к самому бытию [8].

Подобную мысль высказывает и Ж. Деррида в работе «Диссеминация»: «Граница (между внутренним и внешним, живым и не-живым) отделяет не просто речь от письма, но память как (вос)производящее открытие присутствия и припоминание как повторение памятника: истину и её знак, сущее и тип» [9, с. 135]. Анамнезис и есть в этом смысле «(вос)производящее открытие присутствия». Здесь мышление действует через память, познавая, обращаясь к истине. Но при этом сам акт воспоминания вторичен. Анализируя диалог «Менон», М. А. Приходько указывает на то, что для Платона подлинное знание «основано на воспоминании, но без осознания самого акта воспоминания» [10, с. 108].

Итак, анамнезис – это принцип познания, посредством которого познающий обращается не к опыту или знаку в смысле памяти о прошлом уже случившемся в событийности становления, а возвращается к самому бытию.

Вернёмся к сходству и различию понятий анамнезиса и реминисценции, чтобы понять возможности их методологического применения. Ф. Ферре даёт подробный этимологический анализ этих двух понятий. Она указывает, что Платон понимает анамнезис как соединение двух частей: $\alpha\nu\acute{\alpha}$ и $\mu\nu\eta\sigma\iota\varsigma$ [8, с. 97]. Однако если в древнегреческом языке $\alpha\nu\acute{\alpha}$ – это предлог, который часто ставится перед глаголом в значении «вверх», «назад», то $\mu\nu\eta\sigma\iota\varsigma$ не существует как лексема и встречается только в составе слова, как в $\alpha\nu\acute{\alpha}\mu\nu\eta\sigma\iota\varsigma$. Слово «память» звучит как $\mu\nu\eta\mu\eta$, тогда как окончание $\sigma\iota\varsigma$ соответствует абстрактным понятиям, которые обозначают действие. Таким образом, анамнезис – это

действие познания, независимое от того, кто его совершает, это не просто поиск в обратном направлении, но улавливание высших смыслов, идей.

Латинское же слово «реминисценция» имеет несколько иной смысловой оттенок. Ф. Ферре указывает, что реминисценция происходит от глагола *reminisci*, состоящего из *mini*sci – «помнить, иметь в виду» и приставки *ge-* с интенсивным значением [8, с. 98]. То есть в отличие от анамнезиса в понятии «реминисценция», во-первых, акцентируется смысл возвращения познающего субъекта, а не его движения вверх, к высшим идеям, а во-вторых, в этом понятии нет усиления абстрактности действия познания. В данном контексте можно предположить, что реминисценция принадлежит самому познающему или творцу как его внутренне состояние.

Подобная трактовка позволяет утверждать, что реминисценция не тождественна анамнезису, но является его проявлением, когда полученное знание через обращение к бытию (анамнезис) воплощается в опыте становления. Если анамнезис обращается к внеопытному знанию, то посредством реминисценции это знание в опыте воспроизводится. И в этом случае реминисценция становится не просто диалогом с прошлым, творческим заимствованием идей, но связывает их в интерпретации. В таком смысле реминисценция может быть использована как метод построения архитектоники, например истории философии.

Нельзя сказать, что история философии имеет направленное движение развития подобно приросту позитивных знаний, которые позиционирует наука. В отличие от науки, в философии её собственная история имманентна ей же самой. Обращение к идеям философов прошлого является не просто способом научной легитимации философии, но обнаруживает вневременной характер философских концептов. Теория идей Платона не устарела и в современности, точно так же, как не устарело учение Парменида о бытии. В этом и есть особенность ткани истории философии, в которой реминисценция оказывается той методологической связью, которая обеспечивает концептуальное единство посредством познающего и созидającego субъекта. В этой связи, в частности, можно привести пример реминисцентного присутствия идей Аристотеля в канве становления европейской философии в той форме, в какой она представлена в исследовании Д. А. Павловой [11]. Особенность ре-

минисценции как историко-философской связи концептов, по мнению автора, заключается в том, что она соединяет в себе память и мимесис, причем, не механически воспроизводя объекты памяти в качестве повторения и компиляция уже состоявшегося мыслительного опыта, а в качестве непосредственного обращения в рамках интерпретации знания и всех его форм выражения к универсальному истоку.

Реминисценция выражает то, что нельзя забыть, так как она не является психической функцией памяти. Как писал Э. Левинас: «Реминисценция есть крайнее сознание, а также универсальное присутствие и онтология: всё, что заполняет поле сознания, было в своё время принято, воспринято и имело происхождение. Благодаря сознанию прошлое есть всего лишь разновидность настоящего» [12, с. 209]. Реминисценция даёт возможность определить единство всей истории философии, её рекурсивную интерпретацию, которая связывает концепты и идеи в единую философскую систему. И в этом смысле реминисценция возникает не только со стороны философа, который эту систему продуцирует, но и со стороны того, кто её воспринимает, именно совпадение этих реминисценций и позволяет достигнуть понимания. Реминисценция становится основой понимания.

Заключение

Таким образом, реминисценция, вопреки узкой трактовке как художественного приёма, раскрывает свою гносеологическую значимость. Во-первых, её методологическая специфика связана с трансформацией внеопытного знания (анамнезиса) в опытное поле через память, что позволяет преодолеть ограничения прямого цитирования или аллюзии. Во-вторых, существенно различие между анамнезисом и реминисценцией, заключающееся в разнонаправленном характере движения данных феноменов: первый обращён к вневременным идеям, вторая – к субъективному воспроизведению знания в контексте становления. В-третьих, реминисценция выступает связующим звеном в истории философии, обеспечивая единство концептов через интерпретацию, что подчёркивает её роль как инструмента архитектоники мысли. Всё это позволяет рассматривать её не только как механизм творчества, но и как основу для понимания универсальных структур познания.

Список литературы

1. Крестева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / сост., пер. с фр. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 427–457.
2. Дементьева С. В. Роль и значение реминисценций в постижении ценностно-смыслового содержания памяти: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2000. 17 с. EDN: QDDRKF
3. Багдасарова И. Р. Термин «реминисценция» в искусствоведении (теория вопроса) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2011. № 130. С. 205–213. EDN: NWGQTX
4. Тертуллиан К. С. Ф. О душе. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2004. 256 с.
5. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002. 720 с.
6. Пиаже Ж., Фресс П. Экспериментальная психология. IV. Научение и память. М.: Прогресс, 1973. 343 с.
7. Платон. Менон / пер. С. Ошерова // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. / общ. ред. А. Ф. Loseva, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 575–612.
8. Ferré F. Réminiscence ou anamnèse: qu'essayait de dire Platon? // Espace Prépas by Studyrama. 2018. Vol. 178. P. 97–99.
9. Деррида Ж. Диссеминация / пер. с фр. Д. Кралечкина. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 608 с.
10. Приходько М. А. Анамнезис как принцип раннехристианской герменевтики // Универсум Платоновской мысли: Платон и современность: материалы XXIV науч. конф. (Санкт-Петербург, 22–23 июня 2016 г.). СПб.: Центр содействия образованию, 2016. С. 380–399. EDN: WNWEVV
11. Павлова Д. А. Интерпретация мышления Аристотеля в философии XX века: дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 2022. 167 с. EDN: QQUNHK
12. Эмманюэль Левинас. Бог и философия. Путь к другому: сборник статей и переводов, посвященный 100-летию со дня рождения Э. Левинаса / ред. Н. В. Голик. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. 239 с.
2. Dement'eva S. V. *The role and significance of reminiscences in understanding the value-semantic content of memory*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philos.). Tomsk, 2000. 17 p. (in Russian). EDN: QDDRKF
3. Bagdasarova I. R. The term “reminiscence” in the art history (theoretical aspect). *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences* [Bulletin of Herzen University], 2011, no. 130, pp. 205–213 (in Russian). EDN: NWGQTX
4. Tertullian K. S. F. *O dushe* [About the soul]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2004. 256 p. (in Russian).
5. Rubinshteyn S. L. *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of general psychology]. St. Petersburg, Piter, 2002. 720 p. (in Russian).
6. Fraisse P., Piaget J. *Traité de psychologie expérimentale. IV. Apprentissage et Mémoire*. Paris, Presses Universitaires De France (PUF), 1964. 343 p. (Russ. ed.: Piazhе J., Fress P. *Eksperimental'naya psikhologiya. IV. Naucheniye i pamyat'*. Moscow, Progress, 1973. 343 p.).
7. Plato. Menon. In: *Platon. Sobranie sochineniy: v 4 t.* [Plato. Collected works: in 4 vols. Eds. A. F. Losev, V. F. Asmus, A. A. Takho-Godi]. Moscow, Mysl', 1990, vol. 1, pp. 575–612 (in Russian).
8. Ferré F. Réminiscence ou anamnèse: qu'essayait de dire Platon? *Espace Prépas by Studyrama*, 2018, vol. 178, pp. 97–99.
9. Derrida J. *La dissémination*. Paris, Éditions du Seuil. 1972. 406 p. (Russ. ed.: Ekaterinburg, U-Faktoriya, 2007. 608 p.).
10. Prikhod'ko M. A. Anamnesis as a principle of Early Christian hermeneutics. *Universum Platonovskoy mysli: Platon i sovremennost': materialy XXIV nauch. konf. (Sankt-Peterburg, 22–23 iyunya 2016 g.)* [The Universe of Platonic Thought: Plato and Modernity: Proceedings of the XXIV scientific conference, St. Petersburg, June 22–23, 2016.]. St. Petersburg, Tsentr sodeystviya obrazovaniyu Publ., 2016, pp. 380–399 (in Russian).
11. Pavlova D. A. *Interpretation of Aristotle's thinking in the philosophy of the twentieth century*. Diss. Cand. Sci. (Philos.). Saratov, 2022. 167 p. (in Russian).
12. Lévinas E. Dieu et la philosophie: Séminaire de Jérusalem, 27 novembre 1996 – 9 juillet 1997. Paris, Verdier/poche, 2009. 72 p. (Russ. ed.: Levinas E. *Put' k drugomu. Sbornik statey i perevodov, posvyashchenny 100-letiyu so dnya rozhdeniya E. Levinasa*. Red. N. V. Golik. St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2006. 239 p.).

References

1. Kristeva J. Bakhtine, le mot, le dialogue et le roman. In: Kosikov G. K., comp., trans. from French. *Frantsuzskaya semiotika: Ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French semiotics: From structuralism to post-structuralism]. Moscow, Progress, 2000, pp. 427–457 (in Russian).

Поступила в редакцию 29.04.2025; одобрена после рецензирования 20.05.2025; принята к публикации 22.09.2025
The article was submitted 29.04.2025; approved after reviewing 20.05.2025; accepted for publication 22.09.2025